

Тред.

ТРЕТІЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4495.

Пятница, 25^{-го} Декабря, 1898 г.

№ 4495.

СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Хлопушки.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РОЗА.

РАЗСКАЗЪ ОЛИВЬЕ.
(Съ французскаго).

Тамъ, подъ мрачными сводами неба, среди бѣлой равнины, родилась однажды въ густомъ снѣгу цвѣтокъ съ розовыми лепестками и золотымъ сердцемъ. Никто не видѣлъ, какъ его свѣжее лепестки распустились при первыхъ лучахъ солнца. Только холодный вѣтеръ ощущалъ благоуханіе, исходившее отъ первого его дыханія, и взоръ его падалъ на хлопья, медленно расплывающіеся на сердцѣ цвѣтка, отягчая его первый трепетъ. Тонкая, пѣвничья душа цвѣтка витала надъ розовыми лепестками и золотымъ сердцемъ и вилась сюда одухотворить это маленькое существо, затерянное среди бѣлой равнины. Она пришла сюда, чтобы дать цвѣтку чувство, и съ первого момента своего рождения роза поняла, что она находится среди вѣчныхъ снѣговъ, обреченная одна подвергаться холодному вѣтру и носить бѣлое покрывало, обременяющее ее сердце.

Птица пролетала быстро, пища своего гнѣзда, но вдругъ остановилась, почувствовать приятный запахъ. Она увидѣла свѣжій, красивый, величественный цвѣтокъ.

— Ты прекрасна, — сказала птица, — твои

цвѣта великолѣпны. Что то приятное разлило вокругъ тебя, но слишкомъ холодно созерцать тебя.

Съ гордостью и грустью цвѣтокъ отвѣтилъ: «Ступай своимъ путемъ, я зимняя роза!»

Она прождала цѣлый день, надѣясь, что рядомъ съ ней распустится другой цвѣтокъ, что онъ такъ же наклонитъ внизъ свое розовое личико, и онъ вмѣстѣ будутъ носить свое бѣлое покрывало. Но наступилъ вечеръ, а равнина оставалась такой же голой, небо такимъ же мрачнымъ, вѣтеръ такимъ же холоднымъ.

Мимо пролеталъ сухой, желтый, оконечившій, можетъ быть, послѣдній цвѣтокъ. «Цвѣтокъ, — сказалъ онъ розѣ, — не складывай своихъ изыщныхъ лепестковъ къ снѣгу; ты блещешь юностью и силой. И хотѣлъ бы остаться возлѣ тебя, но время теперь мрачное, и скоро ужасная стужа наполнитъ весь воздухъ. Вѣтеръ, который уноситъ меня теперь, влечетъ меня въ болѣе теплая страны».

— Ступай своимъ путемъ, — послышалось въ отвѣтъ, — я зимняя роза!

Звѣзда засіяла на обнаженной равнинѣ.

— Цвѣтокъ, сказала она, — къ чему тебѣ дикія лобзанія ледяного вѣтра; почему блестяки твоего сердца окутаны этимъ бѣлымъ покрываломъ, слишкомъ тяжелымъ для твоего пѣвничьяго

существа? Почему ты одна среди равнины? Никто не придетъ къ тебѣ; ты родилась среди стужи и умрешь среди урагана; никто не подумаетъ даже о тебѣ.

Но цвѣтокъ отвѣчалъ: «Ступай своимъ путемъ; я зимняя роза».

Облако затуманило звѣзду, равнина оставалась холодной и голой, а снѣгъ сгустился еще болѣе. Роза сильнѣе наклонилась къ землѣ; она поняла, что родилась для одиночества и мукъ, что ради нея никто не пожертвуетъ собой; изъ страдающаго сердца ей показалась слеза, которая тотчасъ же замерзла и, свѣжее лицо ей стало бѣлѣе снѣга.

Ночь становилась темнѣе, холодъ болѣе призывающимъ, но въ воздухѣ раздались несильные звуки рождественскихъ колоколовъ, наполнившие торжественную тишину вечера. Цвѣтокъ поднялъ голову; онъ увидѣлъ угрожающее небо, и понялъ, что для него болѣе не существуетъ никакихъ радостей. Холодный вѣтеръ, съ силою прорывающій равнину, приносилъ съ собой отголоски праздничнаго шума, сорвалъ цвѣтокъ со стебелька...

Свѣжная лавина унесла его въ ту страну, куда направляются лѣтние и зимние цвѣты. Онъ бѣжитъ туда, чтобы отыскать счастье, которого онъ не найдетъ, но мрачное эхо съ безпредѣльной грустью голоса смерти повторяетъ ему: «Ступай своимъ путемъ, бѣдная рождественская роза!»

Я. Б.—нѣ.

Азраэль.

(Восточная сказка).

Андре Терье.

(Съ французскаго).

Малыце лучи огненного солнца уступили мѣсто тишинѣ мрачной ночи. Подобно путешественнику послѣ долгаго утомительнаго пути, равнина, погружившись въ мракъ, съ трудомъ, казалось, пробуждалась отъ того тяжелого сна, когда грезится вѣчность. Жалобный лай собакъ, глухое завываніе пантеры, нарушая тишину, еще болѣе усиливали ужасъ этой мрачной пустыни. На всемъ лежитъ печать меланхоли въ этой изумительной Иудеѣ!.. Тщетно цвѣты украшаютъ равнину своими красками, тщетно деревья предлагаютъ свою тѣнь маленькому пернатому царству; нигдѣ не слышно ни пѣвничьи птицы, ни крика веселого ребенка. Чувствуется, что память о Великой Смерти, освѣтивъ божественнымъ свѣтомъ прошлые вѣка, еще долго будетъ тиготѣть надъ вѣками будущаго, сообщая всему, что живетъ и дышетъ на этой священной землѣ, таинственный отбѣнокъ, религиозную важность, ту грусть, которая, по словамъ поэта, даетъ цѣну бѣдной жизни, тихимъ днѣмъ, днѣмъ безъ жара, безъ желаній, безъ чудесъ!

Однако какаго-то страннаго тѣнь скользить въ эту ночь по улицамъ древняго города; минутами она прислушивается, какъ-бы колеблется, но затѣмъ снова медленнымъ шагомъ продолжаетъ свое ночное путешествіе.

Вблизи фонтана султана, скрывающагося подъ гигантской тѣнью сикоморы, находится богатый съ виду домъ, въ которомъ полуоткрытая дверь пропускаетъ слабый лучъ свѣта. Тѣнь направляется туда. И, услышавъ вздохъ, смѣшанный шопотъ молитвъ, кривошея, вздохомъ, она останавливается и говоритъ: «Это здѣсь!» И въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ вступить на порогъ, ему представилась бѣлая фигура, съ лицомъ, орошеннымъ слезами. Поднявъ глаза, она сказала:

— Азраэль! ты гонишь меня изъ этого дома; я знала, что ты вблизи.

И, опустивъ покрывало, она исчезла во мракѣ ночи.

— Вотъ исчезаетъ надежда, промолвилъ Азраэль... Судьба должна исполниться.

И сказавъ эти слова, онъ вошелъ въ домъ. И, скрываясь отъ всѣхъ, онъ увидѣлъ картину.

На мрачномъ ложѣ, украшенномъ цвѣтами, лежала молодая человѣкъ. Въ одну минуту Азраэль приблизился къ нему, и лицо умирающаго ужасно поблѣднѣло. Кругомъ постели родные, друзья плакали и рыдали на себѣ волосы. Только одна молодая дѣвушка рѣдкой красоты стояла вблизи умирающаго. Это была Ревекка, дочь Селима, невѣста Гассана, котораго смерть постигла въ тотъ моментъ, когда они должны были соединиться навѣки. Молодость, красота, богатство, все, казалось, сулило имъ долгое счастье и любовь, и вотъ этотъ сладкій сонъ исчезаетъ, и прекрасная невѣста обречена на вѣчныя страданія, на вѣчное одиночество, не испытавъ сладости первого поцѣлуя.

Азраэль обводилъ своимъ крыломъ лицо Гассана, и вдругъ взоръ его остановился на Ревеккѣ. И, увидавъ эту вѣную, искреннюю, ясную скорбь, и съ изумленіемъ глядя на перпорочную линию прекрасной дѣвушки, онъ, этотъ немолчаливый духъ, равнодушный къ человѣческому страданію, впервые почувствовалъ что-то неизвѣданное въ своемъ сердцѣ... Въ первый разъ онъ испыталъ смущеніе, безпокойство... колебаніе.

И вдругъ добыча показалась ему ничтожной. И, посмотрѣвъ на невѣсту умирающаго, онъ сталъ постепенно собирать свои крылья и тутъ же возмечталъ о чудовищной мѣтѣ. Облечившись въ человѣческую одежду, онъ приблизился къ Ревеккѣ и, наклонившись къ ея уху, сказалъ:

— Послушай меня, дочь Селима, я ученый докторъ и умѣю творить чудеса. Согласна-ли ты пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти жизнь того, котораго ты любишь болѣе всего? Отецъ твой, потерявъ тебя, скоро утѣшится вблизи твоихъ братьевъ и сестеръ; но родители Гассана имѣютъ только его одного; онъ ихъ единственная опора, самая дорогая надежда, и они не переживутъ смерти своего обожаемаго сына... Подумай объ этомъ!.. Завтра, когда солнце исчезнетъ за большими сикоморами, окружающими берегъ реки, я буду тебя тамъ ждать. Гассанъ безъ страданій будетъ жить до завтрашняго дня, погружившись въ глубокой сонъ, и свѣтъ за этимъ наступитъ для него возрожденіе и жизнь... или вѣчный покой, тишина и смерть. Во всемъ твоя воля.

Услышавъ этотъ голосъ, Ревекка подняла свои большіе глаза и посмотрѣла на незнакомаго. И, увидя это странное лицо, ужасную блѣдность, пронзительный взглядъ, она почувствовала во всемъ своемъ тѣлѣ холодъ могилы.

— А, сказала она, — я узнала тебя, ты Азраэль. Я видѣла уже тебя, завистливая Смерть, когда ты, наклонившись надъ постелью моей матери, чтобы вырвать ее изъ пѣвничьихъ объятій своего обожаемаго мужа, запечатлѣла на ея устахъ холодный поцѣлуй! Второй разъ ты являешься ко мнѣ, и я чувствовала тебя возлѣ своей постели въ ту ужасную лихорадочную ночь, когда Гассанъ вѣдѣлъ съ моими родными на козлѣнхъ молился обо мнѣ... И теперь ты снова здѣсь, завидую счастью, о которомъ мы мечтали, позволяя себѣ предложить мнѣ эту ужасную сдѣлку... Но хорошо, я ее принимаю; возьми меня, Азраэль, но знай, что наши души такъ тѣсно связаны, что, несмотря на всѣ твои усилія, ты убьешь только половину меня.

— Если ты желаешь спасти Гассана, то пожелаю, чтобы я забыла эту любовь, отвѣтилъ

мрачный геній... Заря занимается... До завтра, Ревекка, помни!

Домъ погрузился въ тишину, и у постели Гассана остались только его отецъ, мать и Ревекка.

— Не все еще потеряно, — сказала она имъ, — пойдите немного отдохнуть, я посижу у него.

Оставшись одна, она опустилась на козлѣни и долго молилась.

Поднявшись, она тихо прикоснулась своими устами ко лбу молодого человѣка, и отъ этого сладкаго поцѣлуя онъ открылъ глаза, пытался подняться, но затѣмъ снова упалъ, шепча: «Ревекка!» Но она, сомкнувъ своими пальцами отяжелѣвшія рѣсницы Гассана, сказала ему: — Спи, дорогой, я здѣсь, возлѣ тебя.

И, наклонившись къ его уху, голосомъ, полнымъ гнѣва, она прошептала: «Спи! Я люблю тебя!» И молодой человѣкъ услышалъ съ улыбкой на устахъ, съ спокойствіемъ ребенка, который чувствуетъ вблизи себя ангела хранителя.

Ревекка смотрѣла на Гассана и говорила самой себѣ:

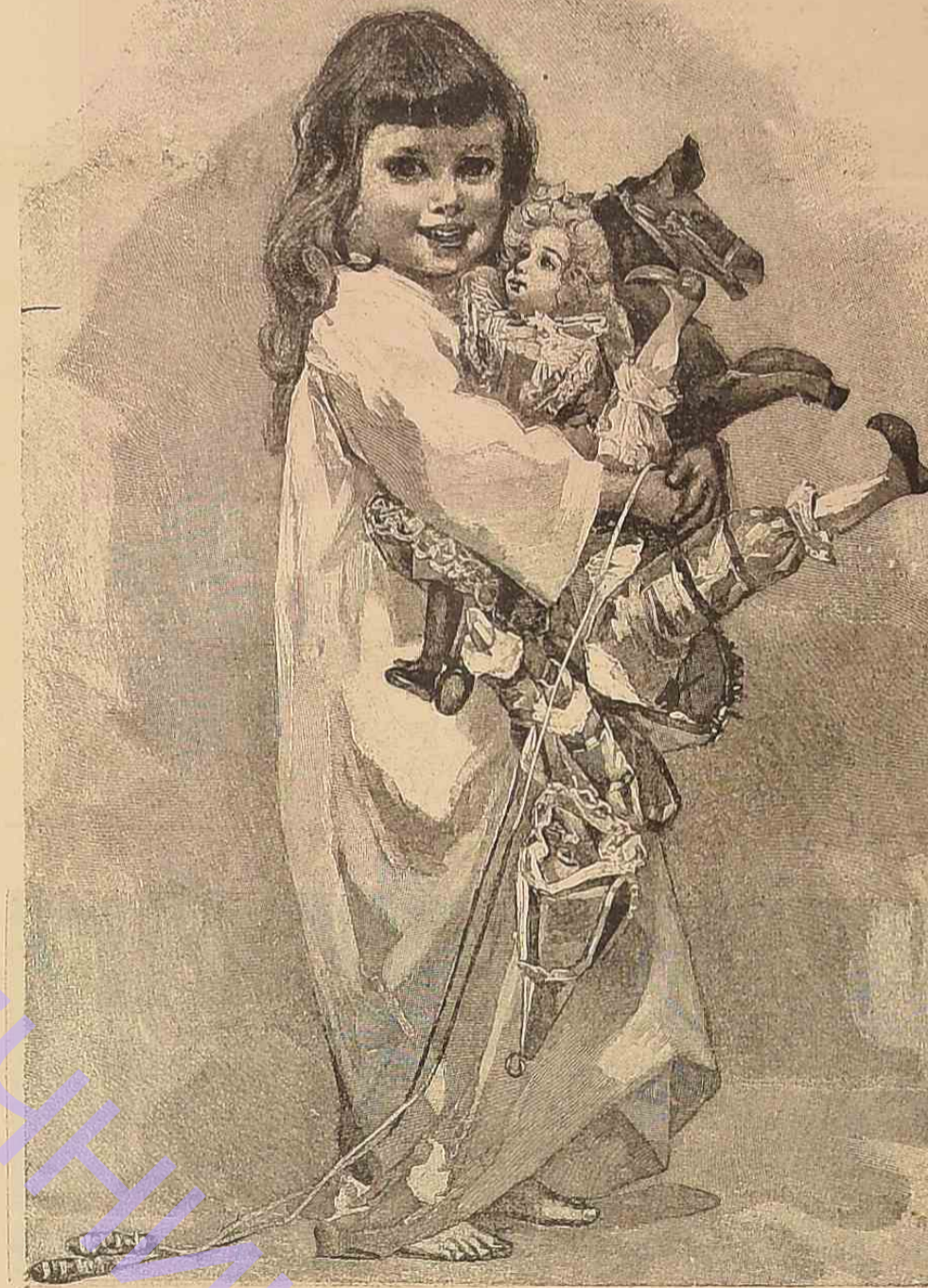
— Какъ ни ужасно умереть такой молодой и любимой, но мнѣ сладка эта жертва! Но что будетъ съ тобой, моя дорогая любовь, если тебѣ

суждено вернуться къ жизни только для того, чтобы узнать, что вѣтъ уже Ревекки, которую ты находилъ столь прекрасной?... Давая тебѣ это сверхъестественное доказательство моей пѣвничности, не обреку-ли я тебя на вѣчныя слезы, скорбь? Я не могу унести съ собой сердце, которое ты мнѣ далъ, по смогу-ли я любить такъ, чтобы желать наступленія днѣ, когда передъ тобой перестанутъ произносить мое имя... ради другой!.. Вѣтъ, это выше моихъ силъ, и моя жизнь... эта жизнь, которую я отдаю тебѣ безъ всякаго сожалѣнія, пусть будетъ залогомъ воспоминанія!

А время шло.

Солнце уже стояло высоко, когда она вернулась къ своему отцу. Она рѣшилась все сказать старому Селиму и попросила у него благословленія на это ужасное свѣщеніе. Несмотря на ужасную скорбь, причиненную ему рѣшеніемъ Ревекки Селимъ, выслушавъ молодую дѣвушку, простеръ свои дрожащія руки благословляя своего дитя, и когда онъ приложился къ ея лбу, чтобы запечатлѣть на немъ своей прощальной поцѣлуемъ, невѣста Гассана замѣтила двѣ крупныя слезы, падавшія изъ глазъ старика.

— Теперь, отецъ, — сказала она, — у меня къ вамъ только одна просьба. Поклонитесь мнѣ

Утро послѣ ели.

Мирь...

Шествіє рождественской ночи.

Елку несутъ...

Елка бездомныхъ.

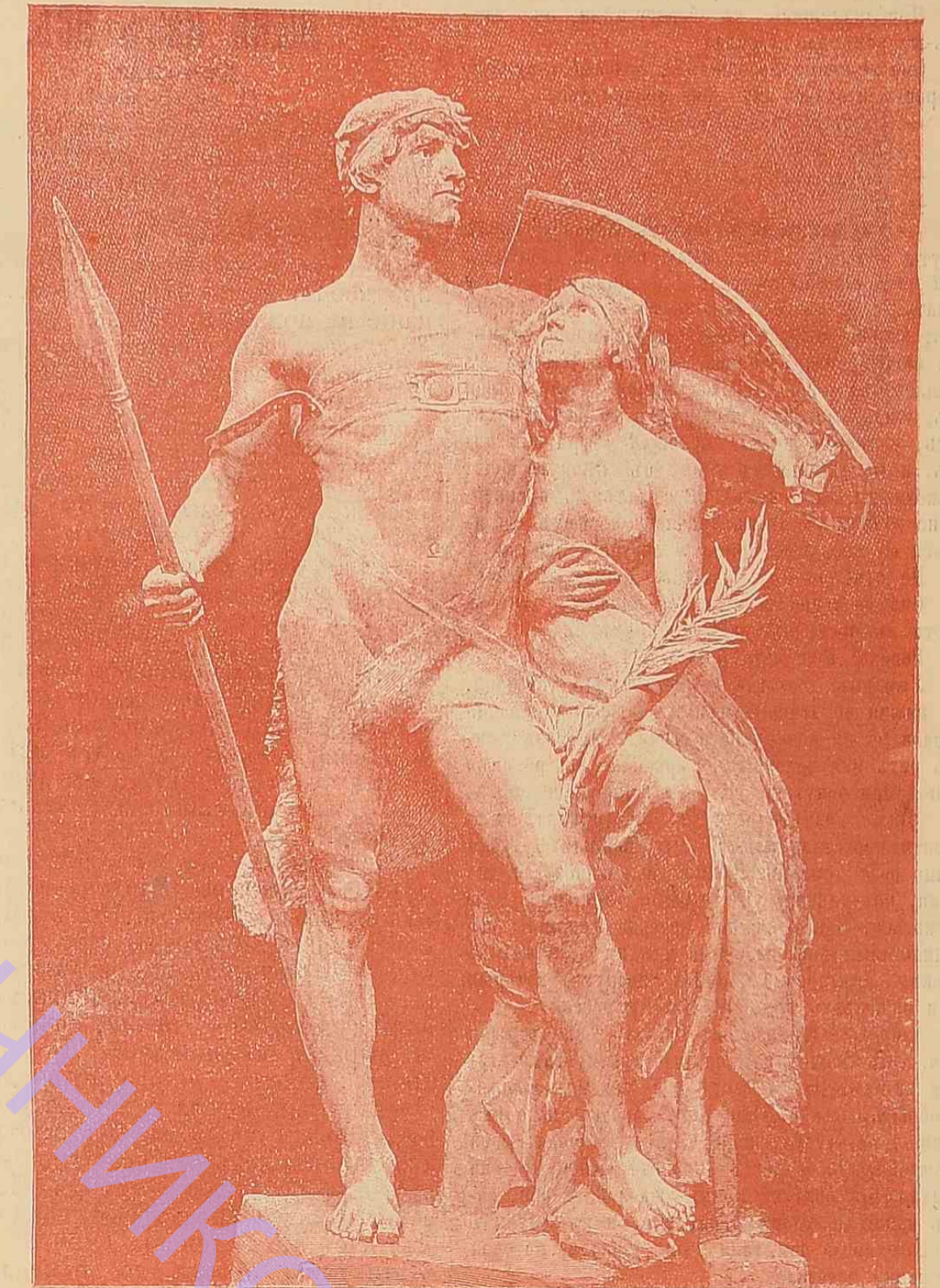
Елка для птичекъ.

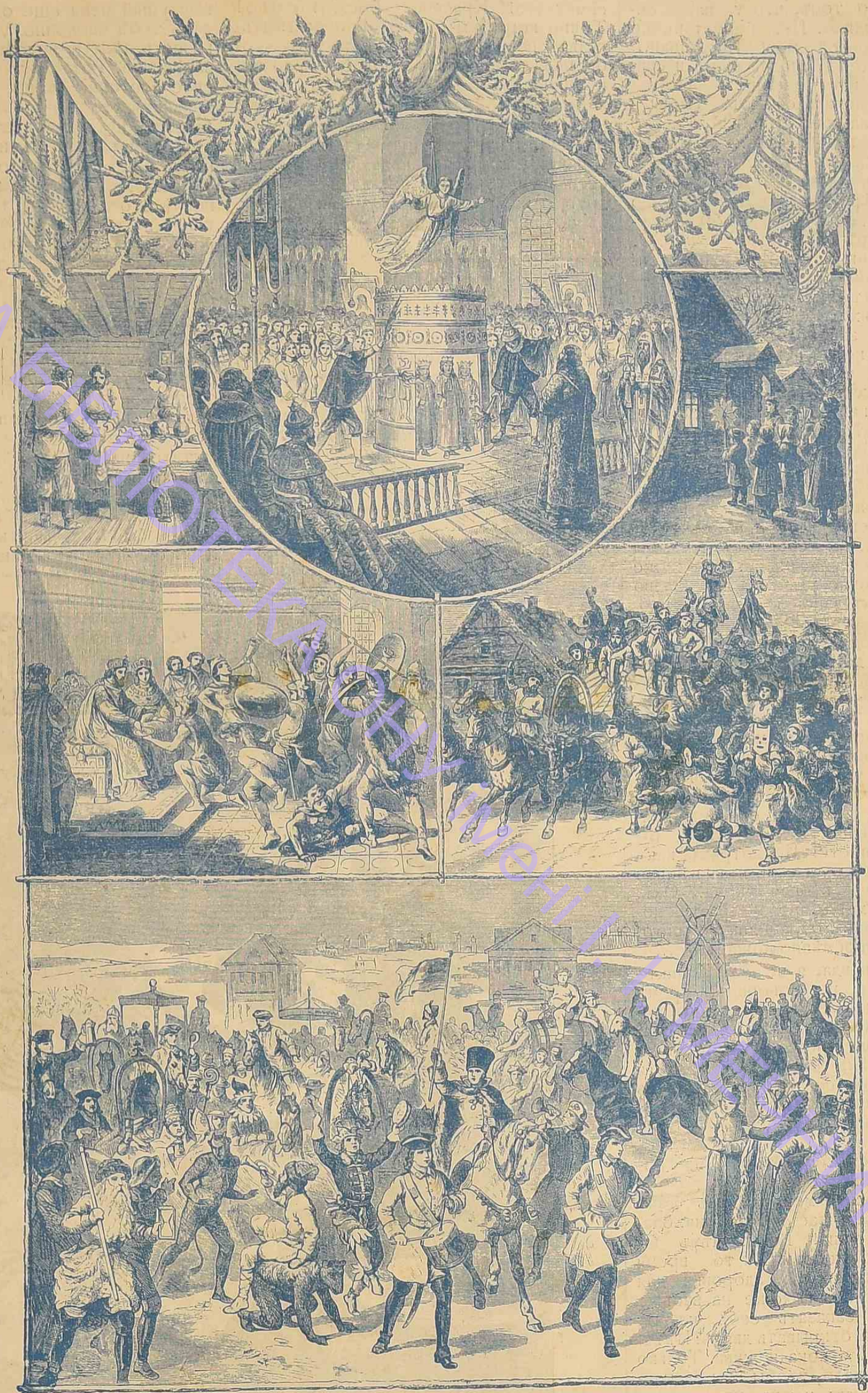
Елка моряка.

Елка маленького братца.

Мирь подь охраной оружія.

Празднованіе Рождества Христова и Нового Года при Петрѣ Великомъ и въ древнее время.